

Въ чужой странѣ.

Авторъ этой статьи Л. Н. Бѣльковичъ былъ командированъ, годней осенью, въ годъ японско-китайской войны въ Гиринъ. Начало описанія этой командировки было напечатано: въ октябрь, ноябрь и декабрь Р. С. 1914 г.

Изложеніе описанія этой книги начинается изложеніемъ взаимнаго обученія языкамъ китайцевъ и казаковъ.

Рсд.

Китайскій солдатикъ, смотришь, уже сидитъ рядомъ съ казакомъ и, продолжая держать его одной рукой за шею, тычетъ пальцемъ въ казачій носъ и спрашиваетъ: „кака?“ стараясь очевидно узнать, какъ называется по-русски та часть тѣла, на которой теперь сосредоточено его вниманіе и въ которую уперся его указательный палецъ.

Казакъ сразу понимаетъ въ чемъ дѣло и, улыбаясь, говоритъ: — „носъ“. Кака? — снова спрашиваетъ китаецъ, внимательно прислушиваясь. Носъ, — произноситъ казакъ, стараясь выговорить это слово съ особенной ясностью и понятливостью. Но-о-съ, но-о-съ, повторяетъ онъ, раздѣляя каждый звукъ. Э-ге-ге, тунда, тунда (понимаю) шанго, шанго,—но-о-за, повторяетъ китаецъ.—Да не ноза, зачѣмъ твоя говори ноза—твоя скажи:—носъ, но-съ, но-съ; тунда твоя?—старается вразумить казакъ своего собесѣдника, вѣроятно, для большей вразумительности коверкая и русскую разговорную рѣчь.

— Тунда, тунда:—но-за, стоитъ на своемъ китаецъ, который положительно не можетъ справиться съ русскимъ произношеніемъ.

— Эхъ чудакъ,—парень,—тебѣ русскимъ языкомъ говорятъ—носъ, а ты свое задолбилъ. Зачѣмъ твоя скажи ноза?—твоя: носъ, говори.

Шанго, шанго:—но-за, ноза.

Казакъ безнадежно уже смотритъ на своего собесѣдника и видимо жалѣетъ его за то, что онъ не можетъ даже выговорить такого простого слова, какъ носъ.

— Ну ладно, говорить онъ:—русски носъ—китайски кака? и его указательный палецъ упирается теперь уже въ китайскій носъ.

Но китаецъ почему-то не хочетъ понять, что у него спрашиваютъ, и теперь уже смотритъ на казака и растерянно бормочетъ:—ноза, ноза.

— Да ты мнѣ скажи по-вашему: русски—носъ зови; твоя скажи кака китайски зови?

Снова непониманіе и тотъ же растерянный лепетъ.

Тогда казакъ, продолжая тыкать въ носъ, уже спрашиваетъ коротко: „какъ фамилія“?

Китаецъ сразу послѣ этого начинаетъ почему-то понимать и съ готовностью отвѣчаетъ, названіе носа на китайскомъ языкѣ.

— Пиза, пиза,—говоритъ онъ, весело улыбаясь.

— Ну и народъ! Чисто бѣда съ ними,—умозаключаетъ казакъ. А китайскій палецъ уже тычетъ ему въ ротъ, и слышится снова все то же самое „кака“.

Снова происходитъ борьба, въ которой обѣ стороны изо всѣхъ силъ стараются и все-таки у китаецца вмѣсто слова ротъ выходитъ „рота“.

— Ну ладно рота, такъ рота, а теперь твоя скажи кака? Снова непониманіе.

Слышится неоднократное переименованіе въ построеніи фразы отъ желающаго узнать названіе рта по-китайски. И въ концѣ концовъ снова вопросъ: „какъ фамилія“ и тогда толкъ китаецъ, какъ бы спохватившись, говоритъ названіе рта на своемъ языкѣ.

Для меня сначала казалось непонятнымъ, почему китайцы не могли справиться съ произношеніемъ такихъ короткихъ словъ, какъ ротъ, носъ и т. п.; но потомъ оказалось, что въ китайскомъ языкѣ совершенно почти отсутствуютъ твердые окончанія и эти твердые и обрывистые звуки какъ бы совершенно для нихъ чужды, потому быть можетъ и не улавливаются ихъ слуховыми органами. Китаецъ, напримѣръ, низачто не произнесетъ правильно нашихъ фамилій въ родѣ такихъ, какъ Ивановъ, Петровъ, Сидоровъ, а онъ скажетъ Ифанофы, Петилѣфы, Сидалѣфы и т. п.

Но вотъ что я не могъ понять—это того, что казаки, при обученіи у китайцевъ ихъ языку, непремѣнно употребляли слово „фамилія“ и какъ это ни странно, но китаецъ, обыкновенно не понимавшій того, объ чемъ его спрашиваютъ, какъ-то сразу начиналъ понимать, слышавъ это магическое слово. А казаки всегда и ко всему его примѣняли: укажетъ на дрова и спроситъ:—какъ фамилія, на дорогу—фамилія, на лапшу—фамилія, на навозъ — также фамилія. Въ концѣ концовъ и китайцамъ это слово пришлось по вкусу, и они, указывая на самые разнообразныя предметы, всегда спрашивали: „кака фамилія“, воображая, конечно, что совершенно правильно справляются съ русскимъ оборотомъ рѣчи и съ русскимъ произношеніемъ. Помню, однажды китайскій солдатъ указалъ казаку на небо и спросилъ: „кака фамилія“. Небо, отвѣчалъ казакъ, съ полнымъ сознаниемъ правоты вопрошающаго.

Этотъ жизнерадостный китайскій солдатикъ очень быстро научился считать по-русски и хотя произношеніе его при этомъ было ужасное и слова имъ выговариваемыя очень мало напоминали собою русскій счетъ,—но, тѣмъ не менѣе, онъ умѣлъ скоро считать до десяти и въ дорогѣ безпрестанно старался усовершенствоваться въ произношеніи, то и дѣло повторяя: Одни, дыва, тили, четилимо (зачѣмъ на концѣ это „мо“ не знаю), пити, шисити, сими, осими, ивити; десять же онъ, при всемъ своемъ напряженномъ стараніи, не могъ уже выговорить и вмѣсто этого у него получился какой-то неопредѣленный, ни на что не похожій звукъ.

И такъ въ этой фанзѣ произошло сближеніе русской и китайской національностей.

Началось дѣло съ того, что „русская національность“ рѣшила послать китайской полѣ - бутылки спирту, въ которой было налито столько же почти воды. Получилась, такимъ образомъ, довольно крѣпкая водка. „Китайская національность“, выпивъ все содержимое въ бутылкѣ, отблагодарила насъ небольшимъ глинянымъ кувшинчикомъ сули и эта послѣдняя въ свою очередь была уничтожена нами.

Изъ всего этого въ концѣ концовъ получилось очень благодушное настроеніе обѣихъ сторонъ, и это-то настроеніе и привело къ концѣ концовъ къ сближенію. Суровый унтеръ, хвативъ нашей водки, какъ-то не много размякъ и сталъ благодушнѣе.

Казаки запѣли хорovou пѣсню. Китайцы слушали и одобряли, но на просьбу спѣть также что-нибудь хоромъ—отка-

зались, говоря, что у нихъ поютъ только въ одиночку. Въ замѣнъ же пѣнія, унтеръ рѣшилъ показать намъ нѣкоторыя воинскія упражненія, которымъ обучаютъ китайскихъ солдатъ. Я убѣжденъ, что онъ выразилъ это желаніе исключительно въ силу своей національной гордости;—ему просто хотѣлось сказать намъ—смотрите-ка, молъ, вы заморскіе люди, какъ и чему насъ учать! Вамъ вѣдь это и во снѣ никогда не снилось. Конечно, всѣмъ намъ было очень любопытно посмотрѣть на китайскія воинскія упражненія, а потому всѣ мы съ охотой согласились на предложеніе унтера, который прежде, чѣмъ начать показывать свое искусство, снялъ съ себя свою „ливрею“ и находящуюся подъ нею одежду и остался почти въ одномъ нижнемъ бѣльѣ.

Въ такомъ довольно оригинальномъ и упрощенномъ костюмѣ онъ началъ выдѣлывать передъ нами замысловатыя военные фортели.

По-моему, все то, что онъ продѣлывалъ, очень смахивало на какую-то пантомиму, смыслъ которой какъ будто бы заключался въ слѣдующемъ: китайскій воинъ, котораго въ данномъ случаѣ изображалъ собою этотъ, оставшійся въ одномъ бѣльѣ, человекъ, находится на полѣ сраженія; товарищи его, очевидное дѣло, пали въ честномъ бою, и остался только онъ одинъ—этотъ храбрый и отважный воинъ, котораго со всѣхъ сторонъ окружили враги и напирая хотятъ положить его тутъ же на полѣ—рядомъ съ лежащими уже товарищами.

Конечно, ни товарищей, ни враговъ въ данномъ случаѣ не было, и всѣ эти лица должны были существовать только лишь въ воображеніи каждаго зрителя.

Въ наличности остался только онъ—храбрый и отважный воинъ, у котораго насѣдающіе на него враги, надо полагать, успѣли отнять не только его оружіе, но даже и всю почти одежду, такъ что воинъ принужденъ сражаться съ ними чуть ли не въ томъ „въ чемъ его мать родила“. У храбреца, впрочемъ, осталось еще послѣднее оружіе, которое они не въ правѣ отнять у него безъ того, чтобы не отнять вмѣстѣ съ нимъ и его жизни. Это его кулаки и та сила и ловкость, которую онъ пускалъ въ послѣдній оборотъ и которую онъ пріобрѣлъ путемъ долгихъ упражненій. И вотъ примѣненіе-то этихъ данныхъ на практикѣ и было намъ показано въ этой пантомимѣ.

Прежде всего онъ засучилъ по локоть рукава своей рубахи и сдѣлалъ очень высокій и граціозный прыжокъ, выбросивъ обѣ ноги впередъ и громко пришепнувъ себя обѣими руками

по тому мѣсту, которое находится пониже спины. Надо полагать, что этотъ громкій шлепокъ долженъ былъ служить для подбадриванія воинскаго духа и отваги. Ставъ послѣ этого на ноги, воинъ началъ кидаться и метаться въ разныя стороны; дѣлалъ очень граціозныя выпады—по всѣмъ правиламъ фехтовальнаго искусства; показывалъ, что хватаетъ невидимаго врага, притягиваетъ его одной рукой, а другой отсыпаетъ ему определенное число крѣпкихъ тумачковъ, ведя счетъ отпущенныхъ имъ ударовъ и направляя таковыя черезъ разъ, то сверху—то снизу (предполагается, очевидно, что притянутый врагъ находится въ особенномъ положеніи, терпѣливо подставляя свою спину подъ кулаки, и чтобы этому самому терпѣнію не насталъ конецъ, то китайскій уставъ, предусмотрѣвъ эту возможность, предписываетъ бить и въ спину и „въ морду“ черезъ разъ, чтобы не было слишкомъ однообразно). Глядя на все это, я невольно вспоминалъ про Расплюева и подумалъ, что и его навѣрно такъ же били. Покончивъ съ однимъ врагомъ и отпустивъ ему определенное количество ударовъ (счетъ про себя), воинъ бросился на другого, такъ же притягивалъ его къ себѣ и такъ же начиналъ отсчитывать число тумачковъ, положенныхъ ему по уставу. Въ промежутокъ между этими „избіеніями“ воинъ каждый разъ подпрыгивалъ также высоко и граціозно, какъ онъ это сдѣлалъ въ первый разъ—такъ же выбрасывалъ ноги впередъ и такъ же громко шлепалъ себя все по тѣмъ же мѣстамъ, поддерживая въ себѣ такимъ образомъ храбрость, воинскій пылъ и отвагу. Надо правду сказать, что въ этой отрасли воинскаго образованія онъ былъ положительный артистъ. Невольно какъ-то приходило на мысль, что не дурно бы было научить всему этому нашихъ городскихъ, дворниковъ и прочихъ блюстителей порядка, а то они дѣйствуютъ уже очень неуклюже во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда „честью призываютъ“ какого-нибудь обывателя къ порядку. Стоитъ только подумать: сколько оживленія внесла бы собою подобная „пляска“ въ нашу монотонную уличную жизнь, да и для обывателя это было бы и чувствительнѣе, и внушительнѣе. Строго разсуждая и всесторонне обдумывая этотъ „глубокій“ вопросъ, невольно приходишь къ тому заключенію, что подобная программа обученія только и была бы полезна именно городovýmъ, дворникамъ, ну, пожалуй еще урядникамъ, но для воина вѣтъ всякаго сомнѣнія она вздорна и на дѣлѣ не примѣнима, было какъ-то даже жалко смотрѣть на все это ни къ чему не ведущее

кривлянье, на обученіе которому потрачено вѣроятно не мало времени. А впрочемъ едва-ли въ данномъ случаѣ слѣдуетъ уже черезчуръ сожалѣть объ этомъ потраченномъ времени, большая часть котораго въ жизни cadaго изъ насъ тратится совершенно непроизводительно; и, почему знать, быть можетъ, эти самыя записки служатъ самымъ разительнымъ доказательствомъ, что авторъ ихъ и самъ виноватъ въ томъ, что потратилъ такъ непроизводительно имѣющееся въ его распоряженіи время.

Бой съ невидимыми врагами продолжался не болѣе 10 минутъ, но и этого времени было достаточно для того, чтобы боецъ совершенно обезсилѣлъ. Онъ тяжело вздохнулъ и, въ изнеможеніи опустившись на нары, сталъ обтирать потъ, обильно смочившій его худое лицо. Мы всѣ его похвалили за его ловкость, и вмѣстѣ съ симъ мнѣ стало какъ-то особенно жаль этого человѣка. Жаль за то, что онъ вѣрилъ въ цѣлесообразность своей „науки“,—которая въ основаніи своемъ конечно ложна и не имѣетъ на практикѣ никакого примѣненія. Онъ вѣрилъ, хотя очевидно заблуждался, и по тому-то онъ и былъ жалокъ и въ этомъ отношеніи онъ ничѣмъ не отличался отъ всѣхъ насъ, живущихъ среди своихъ заблужденій. А человечество, какъ извѣстно, только и живетъ благодаря тому, что оно вѣчно заблуждается, и въ этомъ отношеніи оно достойно сожалѣнія, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ этомъ же его величіе, потому что, только заблуждаясь, оно можетъ стремиться къ истинѣ.

Такъ, въ этихъ взаимныхъ общеніяхъ, мы провели весь вечеръ и, передневавъ весь слѣдующій день, мы тронулись дальше, рѣшивъ двигаться безъ дневокъ до Нингуты, до которой оставалось еще болѣе ста верстъ. Дорога на всемъ этомъ протяженіи была не легка: разработана она очень плохо и въ особенности трудна черезъ горный хребетъ Лоэ-Линъ. Здѣсь дорога мѣстами и совсѣмъ не была разработана и пролегала то среди громадныхъ каменныхъ глыбъ, то по дну образовавшейся отъ стока воды промоины. Въ такихъ мѣстахъ она была настолько узка, что повозка съ широкимъ ходомъ неминуемо цѣплялась бы своими осями за бока промоины. Была къ тому же гололедица, и наши лошади, которыхъ мы, переваливая этотъ хребетъ, вели въ поводу, безпрестанно скользили, спотыкались и падали. На вершинѣ перевала работало человѣкъ 50 надъ расширеніемъ и улучшеніемъ дороги. Вѣроятно, правительство сознало, что скорое сообщеніе по

такимъ дорогамъ немыслимо, а потому и признало необходимымъ приступить къ ремонту пути, тѣмъ болѣе, что потребности военнаго времени въ хорошихъ и удобныхъ путяхъ сообщенія сказывались конечно и въ этой, хотя и значительно отдаленной отъ театра военныхъ дѣйствій, мѣстности.

Хребетъ Лоэ-Линь покрытъ густымъ, почти исключительно лиственнымъ лѣсомъ, хвойныя породы деревьевъ замѣчаются только близъ самой вершины хребта, но здѣсь они какія-то чахлая и на половину сухія. Въ общемъ весь этотъ хребетъ, который имѣетъ въ поперечномъ разрѣзѣ до 20 верстъ, представляетъ собою въ полномъ смыслѣ слова самая глухія непривѣтливыя и дикія дебри, служащія какимъ то пугаломъ для всего окрестнаго населенія. Еще когда мы были въ Хунчунѣ, то всегда, когда разговоръ начинался про дорогу, про этотъ Лоэ-Линь говорилось съ какимъ-то какъ бы мистическимъ страхомъ. Говорили, что лѣса этого хребта скрываютъ въ своихъ глухихъ дебряхъ большія шайки хунхузовъ, которыя и предпринимаютъ отсюда свои звѣрскіе набѣги на окрестныя деревни, при чемъ они во время этихъ набѣговъ жгутъ дома, насилуютъ женщинъ, убиваютъ стариковъ и дѣтей и вообще чинятъ всѣ звѣрскія, ужасныя безчинства, до которыхъ можетъ думаться человѣческая распущенность. Говорили также, что якобы эти разбойничьи шайки настолько велики, что въ нѣкоторыхъ изъ нихъ считается по нѣскольку сотъ человѣкъ и есть даже свои пушки. Чѣмъ ближе мы подходили къ этому Лоэ-Лину, тѣмъ рассказы про всѣ эти ужасы становились все мрачнѣе и мрачнѣе, и по всему было видно, что тѣ, кто рассказывалъ про всѣ эти страхи, вѣрили имъ такъ же, какъ вѣритъ человекъ, рассказы акцій о томъ, что онъ видѣлъ привидѣніе. Чанъ-фу безусловно вѣрилъ всему тому, что ему рассказывали поселяне, и, прислушиваясь къ интонаціи этихъ рассказовъ, я и самъ убѣждался, что всѣ они говорятъ объ этихъ страхахъ и ужасахъ совершенно искренно, говорятъ съ такой же вѣрой и наивностью, съ какой говорятъ дѣти, рассказывая про похождения какой-нибудь „красной шапочки“, описанныя въ извѣстной сказкѣ. Конечно, нельзя отрицать того, что во всѣхъ этихъ рассказахъ не было бы одной крупницы правды, очень можетъ быть, что въ лѣсахъ Лоэ-Лина и находили себѣ пріютъ небольшія разбойничьи шайки, но безусловно вѣрно и то, что всѣ эти рассказы были страшно преувеличены и прикрашены народной фантазіей. Изысканія, которыя призв дились впоследствии по прове-

денію Манчжурской желѣзной дороги показали, что дѣйствительно въ окрестностяхъ Нингуты приходилось наткаться на хунгузскіе притоны, но между ними не было конечно такихъ, въ которыхъ жило бы по нѣсколько сотъ разбойниковъ и при которыхъ имѣлись бы пушки. Казаки мои всегда подсмѣивались надъ всѣми этими страхами, говоря, что „всѣ мандзы, однако, трусы и что у всѣхъ у нихъ глаза отъ страха, однако, велики“; обращаясь же къ Чанъ-фу, они добавляли, еще, стараясь окончательно его напугать: „а вотъ ты, парень, погоди: хунгузы нападутъ, у насъ-то винтовки, да шашки есть,—мы то отобьемся, а у тебя что?—коса только и всего-то. Вотъ они тебя, парень, за косу-то твою и таскаютъ“. Чанъ-фу трусилъ не на шутку. Надо было видѣть его, когда мы подходили къ Лоэ-Лину. Онъ трясся отъ страха, какъ въ лихорадкѣ, былъ блѣденъ и его растерянный взглядъ выражалъ полнѣйшее отчаяніе. Нѣсколько разъ онъ подѣзжалъ ко мнѣ и съ дрожью въ голосѣ просилъ приказать казакамъ сѣсть на лошадей, такъ какъ при нападеніи хунгузовъ удобнѣе можно будетъ удрать верхомъ, нежели пѣшкомъ. Словомъ, въ данномъ случаѣ онъ высказалъ передъ нами всю китайскую доблесть и храбрость въ полномъ ея цвѣтѣ. Мнѣ кажется, что въ данномъ случаѣ Чанъ-фу явился типичнымъ представителемъ всей китайской расы, которая въ общемъ труслива и не способна къ самооборонѣ и вообще къ какимъ бы то ни было активнымъ дѣйствіямъ. Въ всякаго сомнѣнія, масса эта пассивна и для того, чтобы поработить ее и заставить во всемъ себѣ подчиняться, повидимому, нѣтъ надобности тратить слишкомъ много усилій. Какое же въ самомъ дѣлѣ сопротивленіе можетъ оказать хотя бы даже миллионная толпа, если каждый человекъ, ее составляющій, будетъ помышлять о томъ, чтобы ему какъ можно скорѣе скрыться отъ опасности. Конечно, вопросъ о борьбѣ въ данномъ случаѣ сведется къ нулю. Будутъ конечно и въ этой толпѣ такіе доблестные и энергичные люди, къ категоріи которыхъ принадлежалъ сопровождающій насъ унтеръ-офицеръ, но толпа ихъ ни за что не послушаетъ потому, что ей будетъ просто противно ихъ слушать, какъ противно слушать тѣхъ людей, которые проповѣдуютъ какой-нибудь абсурдъ, а вѣдь понятіе о воинской доблести и объ активности дѣйствій для китайцевъ стало теперь ни больше ни меньше какъ только абсурдомъ. Они либо слишкомъ далеко ушли впередъ отъ этихъ понятій, либо слишкомъ отъ нихъ отстали. Справедливость всего этого под-

тверждаютъ вполне событія 1900 года. Мало проявили доблести и стойкости даже самыя отборныя китайскія войска.

Благополучно, безъ всякихъ приключеній мы перевалили черезъ этотъ Лоэ-Линъ и вышли снова въ узкую долину, стѣсненную со:ровождающими ее высокими горами. Былъ уже вечеръ, когда мы остановились на ночлегъ, но не суждено намъ было спокойно провести эту ночь—и причиной безпокойства была все также излишняя китайская осторожность, близко граничащая съ трусливостью.

Было часа два ночи, когда я проснулся отъ легкихъ толчковъ въ бокъ. Открывъ глаза, я увидѣлъ надъ собою испуганное лицо Чанъ-фу, освѣщенное тусклымъ свѣтомъ китайскаго свѣтильника. „Вставай, барыня, шептали его дрожащія губы: хунхуза ходи“. Онъ весь дрожалъ отъ страха и нервно вздыхалъ, повторяя безпрестанно: „О Господи, О Господи“. Осмотрѣвшись, я увидѣлъ, что въ углу, занятомъ китайскими солдатами, тревога была уже въ полномъ ходу; они торопливо одѣвались, разбирали свои винтовки и заряжали ихъ магазины патронами. Всѣ они говорили едва слышнымъ шепотомъ, боясь вѣроятно обнаружить себя передъ хунхузами, которые, въ ихъ воображеніи, окружили уже нашу фанзу плотнымъ кольцомъ и сейчасъ начнутъ стрѣлять въ окна, въ надеждѣ перебить насъ какъ дикихъ звѣрей въ клѣткѣ и потомъ воспользоваться нашимъ имуществомъ и серебромъ. О всемъ этомъ успѣлъ мнѣ сообщить Чанъ-фу въ то время, когда я послѣдно началъ одѣваться, допуская въ мысляхъ полную возможность подобной комбинаціи. Казаки мои также повскакивали, и не прошло и трехъ минутъ, какъ всѣ мы уже изготовились къ бою, намѣреваясь встрѣтить врага въ честномъ бою. Прочіе ночлежники также просыпались, вскакивали съ наръ и начинали волноваться и суетиться. Въ это время скрипнула входная дверь, и на порогъ фанзы показались какія-то двѣ человѣческія фигуры въ огромныхъ мѣховыхъ шапкахъ съ торчащими по сторонамъ отвороченными наушниками. Начинается,—подумалъ я. Нѣсколько китайскихъ солдатъ быстро подскочили къ этимъ двумъ фигурамъ, которыя уже успѣли переступить черезъ порогъ фанзы и войти и молча приставили къ нимъ дула своихъ заряженныхъ винтовокъ. Вошедшіе сразу остолбенѣли. Это для нихъ было полною неожиданностью, и ихъ испугъ, я думаю, былъ ничуть не меньшимъ, нежели испугъ тѣхъ людей, которые стояли передъ ними съ упертыми въ ихъ животы винтовками. Мнѣ почему-то при

этомъ припомнилась извѣстная картина, на которой изображена смерть маіора Горталова. Въ теченіе нѣсколькихъ секундъ обѣ стороны стояли молча и недвижимо, потомъ мало-по-малу между ними начался разговоръ, сначала говорили шопотомъ, а потомъ постепенно перешли къ голосу. Долго велись эти „дипломатическія пренія“, къ которымъ мой Чанъ-фу прислушивался все время съ напряженнымъ вниманіемъ. Потомъ я видѣлъ, какъ этихъ двухъ людей китайцы повели въ самый отдаленный уголь фанзы, гдѣ и приказали имъ лечь, на что они повидимому охотно согласились. Когда они проходили мимо меня, то я замѣтилъ, что это были два довольно древнихъ старичка, сгорбленныхъ и слабыхъ. Ихъ сморщенные и худыя фізіономіи не имѣли ничего ужаснаго, и полагаю, что они даже при всемъ своемъ желаніи сдѣлаться хунхузами—все-таки не могли бы это исполнить въ силу своей старческой немочи. Снявъ съ плечъ свои котомки, они положили ихъ подъ головы, кряхтя и охая забрались на нары и легли; намѣреваясь предаться сладкому отдыху, но они долго не засыпали,—все кряхтѣли, охали и кашляли.

Въ концѣ концовъ вся эта исторія оказалась довольно забавной комедіей. Дѣло въ томъ, что ночью стоящей на дворѣ фанзы около лошадей китайскій очередной солдатъ услышалъ довольно сильный стукъ въ ворота. Слыша за воротами голоса, этотъ воинъ вообразилъ, что къ воротамъ подошла цѣлая толпа хунхузовъ, а потому онъ счелъ за лучшее воротъ не отворять, пойти въ фанзу и разбудить товарищей. Такимъ образомъ и началась тревога. Въ это же время стучащіеся въ ворота люди, видя, что имъ не желаютъ отворить, проникли во дворъ черезъ калитку, которая къ ихъ счастью и по недосмотру была не заперта, и такимъ образомъ они съ самымъ спокойнымъ чувствомъ и съ самыми мирными намѣреніями проникли во внутренность фанзы съ тѣмъ, чтобы отдохнуть, но вмѣсто этого неожиданно для себя наткнулись на ружейныя дула.

Старикамъ долго не хотѣли вѣрить:—все считали ихъ за развѣдчиковъ, посланныхъ отъ шайки, чтобы высмотрѣли хорошенько наше расположеніе, а они клялись и увѣряли, что даже и не думаютъ принадлежать къ хунгузскимъ шайкамъ, что они мирные поселяне, идутъ въ Нингуту, что по дорогѣ ихъ застала ночь и, не найдя нигдѣ пріюта, потому что ихъ никуда не хотѣли пускать, они рѣшились наконецъ добиться такового на этомъ постояломъ дворѣ, входъ въ который, на

ихъ счастье, оказался открытымъ. Только къ утру кончилось возбужденіе отъ причиненнаго безпокойства, и никто не могъ заснуть, передавая другъ другу свои впечатлѣнія, и почти всюду слышался добродушный смѣхъ. Всѣ были рады, что дѣло кончилось такъ благополучно. Намъ также не удалось заснуть, и съ разсвѣтомъ мы тронулись въ дальнѣйшій путь.

До Нингуты оставалось уже верстъ 50—60, и мы рассчитывали быть тамъ на слѣдующій день.

Отъѣхавъ версты 2—3 отъ этой фанзы, мы увидѣли группу всадниковъ, рысью ѣхавшихъ къ намъ навстрѣчу. Всѣхъ ихъ было 8 человѣкъ, и впереди нихъ ѣхалъ какой-то человѣкъ на бѣлой лошади, при чемъ издали можно было разсмотрѣть длинный хвостъ, болтающійся позади его шапки. Всадники были вооружены ружьями, которыя и висѣли у нихъ за плечами. Замѣтивъ насъ, всадники остановились, построились вдоль дороги, при чемъ ѣхавшій впереди ихъ человѣкъ слѣзъ съ лошади и, ставъ впереди построившихся людей, повидимому, ожидалъ нашего приближенія.

Оказалось, что это былъ конвой, высланный къ намъ навстрѣчу Нингутинскимъ фудутуномъ; всадникъ же, ѣхавшій впереди и имѣвшій на своей шапкѣ хвостъ—былъ начальникомъ этого конвоя. На шапкѣ его, кромѣ хвоста, красовался мѣдный шарикъ, и Чанъ-фу объяснилъ мнѣ, что у его обладателя еще нѣтъ офицерскаго чина, что онъ еще находится, такъ сказать, на переходной ступени между нижнимъ и офицерскимъ званіемъ „Она малъ-мало Подыпырапорыщика“ (подпрапорщикъ), пояснилъ мнѣ Чанъ-фу, чѣмъ, по правдѣ говоря, удивилъ меня не мало. И когда я выразилъ ему свое удивленіе по поводу того, что ему знакомо значеніе этого трудновыговариваемаго слова, то онъ, сіяя отъ восторга, сказалъ: „О, барыня, моя усе знай;—моя знай ваша Пууковника, Пуупууповника и Капитана, моя усе знай“. Такъ названіе подпрапорщика и утвердилось за начальникомъ этого конвоя, который проводилъ насъ до Нингуты и оттуда пошелъ съ нами и далѣе—до самаго Гирина.

Нѣсколько словъ объ отличіяхъ въ китайской чиновной іерархіи:

Всѣ китайскіе чиновники, какъ военные, такъ гражданскіе, начиная съ самыхъ высшихъ и кончая самыми низшими (маленькими), подраздѣляются на 9 классовъ, при чемъ отличіями одного класса отъ другого служатъ шарики на шапкахъ, пряжки на поясахъ и вышивные гербы на груди верхней

одежды. Какъ шарики, такъ и пряжки у военныхъ и гражданскихъ чиновъ одинаковы по классамъ, но гербы различные, и обыкновенно у военныхъ на гербѣ изображается подобіе какого-нибудь четвероногого животнаго, а у гражданскихъ птицы. Чиновники самаго высшаго класса имѣютъ на шапкѣ красный прозрачный шарикъ (рубинъ), на гербѣ же—у военныхъ изображенъ единорогъ, а у гражданскихъ журавль. Чины 2-го класса имѣютъ коралловые шарики, на гербѣ же у военныхъ красуется левъ, а у гражданскихъ фазанъ.—3-й классъ имѣетъ сапфировые шарики и павлинье перо въ шляпѣ, а гербы: у военныхъ леопардъ, а у гражданскихъ—павлинь. 4-му классу присвоенъ синій матовый шарикъ, а гербъ—у военныхъ тигръ, а у гражданскихъ что-то похожее на гуся. 5-й классъ имѣетъ хрустальный шарикъ и гербъ—у военныхъ медвѣдь, а у гражданскихъ что-то напоминающее собою индюка. 6-й классъ—бѣлый не прозрачный шарикъ, перо въ шляпѣ и изображеніе на гербѣ: у военныхъ напоминаетъ тигра, а у гражданскихъ цаплю. 7-й классъ—золотой, гладкій шарикъ; гербъ же у военныхъ что то похожее на медвѣдя, а у гражданскихъ что-то имѣющее отдаленное подобіе съ уткой. 8-й классъ—золотой же рѣзной шарикъ; на гербѣ у военныхъ—тюлень, а у гражданскихъ перепелъ и наконецъ 9-й классъ имѣетъ серебряный шарикъ и гербъ—у военныхъ носорогъ, а у гражданскихъ—сойка. Нельзя назвать конечно подобную систему подраздѣленія чиновничества довольно упрощенной, хотя и у насъ она упрощенностью не отличается.

„Подпрапорщикъ“, со своими семью солдатами, присоединился къ намъ. Его солдаты были одѣты похуже, нежели солдаты ихъ Хунчуна. Вооруженіе ихъ было разнообразное:—одни имѣли Винчестера, другіе—ружья Гочкиса, а двое были вооружены старинными пистонными ружьями. Самъ подпрапорщикъ имѣлъ маленькую винтовку системы Винчестера, заключенную въ разсшитомъ, синемъ чехлѣ, а сбоку его сѣдла была прикрѣплена къ нему на ремняхъ широкая и кривая шашка. Люди конвоя въ общемъ глядѣли не весело; они были и блѣдны и желты и худы, и все это показывало, что каждый изъ нихъ страстный курильщикъ опиума, въ чемъ я имѣлъ возможность убѣдиться впоследствии. Что касается до ихъ начальника—подпрапорщика, то онъ былъ еще очень молодой человѣкъ—лѣтъ 18—20, но его молодое лицо имѣло какое-то недоброе выраженіе. Глаза смотрѣли нагло, а губы всегда были сложены наподобіе ижицы, обращенной книзу,

что придавало его смуглому и лоснящемуся лицу выраженіе надменности. На разговоры онъ былъ скупъ и на предлагаемые вопросы отвѣчалъ какъ-то нехотя, какъ бы цѣдилъ слова и въ концѣ концовъ я, видя его полнѣйшее нежеланіе говорить, и самъ пересталъ домогаться съ нимъ мысленнаго общенія.

Такъ съ этимъ конвоемъ мы вступили въ Нингуту, куда прибыли 14 ноября уже послѣ полудня, переночевавъ верстахъ въ 25 отъ города, гдѣ, то въ сторонѣ отъ дороги—на водочномъ заводѣ. Сюда насъ привелъ подпрапорщикъ; онъ очевидно имѣлъ на этомъ заводѣ хорошихъ знакомыхъ и для того, чтобы повидаться съ ними, свернулъ съ дороги верстахъ въ трехъ отъ большой деревни Си-чуинъ-ди и привелъ насъ на этотъ заводъ. Положимъ, я и не раскаялся, что пришлось сдѣлать быть можетъ нѣсколько лишнихъ верстъ. Зато посмотрѣлъ заводъ и познакомился съ работавшими на немъ людьми. Заводъ былъ большой и, вѣроятно, перегонялъ въ своихъ чанахъ не малое количество ханшина. Состоялъ онъ изъ двухъ очень большихъ фанзъ, изъ коихъ въ одной помѣщались рабочіе завода въ числѣ нѣсколькихъ десятковъ человѣкъ, а въ другой стояли перегонные чаны. Собственно способъ перегонки ханшина ничѣмъ почти не отличается отъ способа перегонки водки. Конечно на этомъ заводѣ не было ни паровыхъ машинъ, ни усовершенствованныхъ перегонныхъ кубовъ, а были только деревянные огромные чаны, въ которыхъ и проходили различные химическіе процессы съ тѣмъ матеріаломъ, изъ котораго гонится ханшинъ. Мы прибыли на заводъ поздно вечеромъ и помѣстились въ одной изъ надворныхъ построекъ. Работы на заводѣ были уже окончены, а потому рабочіе отдыхали въ своемъ помѣщеніи и, узнавъ о нашемъ пріѣздѣ, конечно, не замедлили явиться поглазѣть на насъ и завязать съ нами общеніе. На сей разъ, какъ это ни странно, но мнѣ пришлось выступить передъ ними въ роли доктора. Началъ съ того, что изъ толпы, уже достаточно къ намъ приглядѣвшейся и ознакомившейся съ нашими одеждами, свѣчами, книгами и всѣмъ прочимъ,—выступилъ какой-то худой и изможденный человѣкъ и просить помочь ему въ его болѣзни. „Она говоли, что заморски люди усе знай; его живота шипко боли; говоли: заморски люди помогай минѣ“ (заморскіе люди все знаютъ, у него очень болитъ животъ, такъ онъ просить, чтобы заморскіе люди помогли бы ему). Больной былъ жалокъ и беспомощно съ мольбой и съ надеждой въ

глазахъ смотрѣлъ на меня, думая, что стоитъ мнѣ только пальцемъ пошевелить, какъ онъ будетъ здоровъ и избавится отъ страданій. Изъ разспросовъ оказалось, что онъ вотъ уже 5 лѣтъ боленъ животомъ; не можетъ ни ѣсть, ни пить, чувствуетъ постоянныя боли внутри и такъ ослабъ, что едва таскаетъ ноги. Очевидно, у него былъ или застарѣлый катаръ, а можетъ быть и еще что-либо посерьезнѣе. Что мнѣ было дѣлать съ этимъ несчастнымъ человѣкомъ? Хотѣлось ему помочь, да чѣмъ же помочь? У насъ были взяты только лишь самые необходимые медикаменты: хина, касторка, разныя капли, и неужели же эти гофманскія и валеріановы снадобья могли бы излѣчить его застарѣлый недугъ. Тѣмъ не менѣе пришлось ихъ ему дать. Накапавъ на кусокъ сахара капельъ 20, я далъ его больному, и онъ, съ полной вѣрой въ цѣлебное свойство этого снадобья, положилъ его въ ротъ. Пройдетъ, пройдетъ, успокаивалъ я его, хлопая дружески по плечу:—дастъ Богъ—все пройдетъ, и больной ласково мнѣ улыбался, лепеча свое „тау-си, тау-си“ (спасибо). За этимъ больнымъ сейчасъ же появились другіе: человѣка три жаловались на глаза. Отвернувъ имъ вѣки, я увидѣлъ подъ ними зернистое трахоматозное образованіе и сразу почувствовалъ полнѣйшее свое безсиліе помочь имъ хоть чѣмъ-нибудь, а они просили хоть чѣмъ-нибудь пособить имъ и облегчить имъ болѣзнь, потому что она мѣшаетъ имъ работать, и пришлось въ концѣ концовъ ограничиться только лишь совѣтомъ, каковой больные выслушали съ большимъ вниманіемъ, стараясь не проронить ни одного слова, хотя совѣтъ этотъ совсѣмъ и не заслуживалъ подобнаго вниманія, такъ какъ, не выходя изъ рамокъ ихъ собственныхъ практическихъ свѣдѣній, онъ шелъ совершенно въ разрѣзъ съ условіями ихъ быта. Въ сущности говоря—безбожно человеку, поставленному въ необходимость жить среди дыма, грязи и копоти, работая при этихъ условіяхъ, ради куска насущнаго хлѣба, совѣтывать, чтобы онъ всячески избѣгалъ бы этихъ вредныхъ для его здоровья вліяній. Подобный совѣтъ, конечно, равносильнъ глумленію надъ нищетой человѣческой, равносильнъ по своей пошлости совѣту какому-нибудь умирающему бѣдняку—перемѣнить квартиру, измѣнить условія жизни, отправиться на воды и принимать ванны. Но даже за подобный безмысленный совѣтъ, который въ данномъ случаѣ имѣлъ не мало общаго съ вышеприведеннымъ—эти добрые люди лепетали свое „тау-си“ и оно не звучало у нихъ озлобленіемъ, какъ нерѣдко звучитъ благодарность въ устахъ больного.

выслушавшаго несообразный съ его имущественнымъ состояніемъ совѣтъ; нѣтъ, въ этомъ „тау-си“ слышалась искренняя благодарность. Казалось, что эти люди своимъ безпрестанно повторяемымъ „тау-си“ хотѣли выразить: мы вѣримъ, что у тебя нѣтъ лекарства для насъ, но спасибо тебѣ и за то, что ты не прогналъ насъ и сочувствуешь нашему несчастью.

Пришелъ еще одинъ больной, у котораго рука была обмотана грязнымъ тряпьемъ, подъ которымъ оказалась большая гноящаяся рана, съ распространившимся вокругъ воспалительнымъ процессомъ. Оказалось, что человѣкъ этотъ обжегъ себѣ руку и потомъ помазалъ мѣсто ожога какой-то дрянью, и вотъ съ тѣхъ поръ рука начала пухнуть и сильная боль не давала ему покоя. Снова пришлось ограничиться подачею „совѣта“, по смыслу своему не менѣе пошлаго, чѣмъ предыдущій: „необходимо чаще промывать руку и стараться держать ее въ чистотѣ“—и снова искреннее „тау-си“ въ отвѣтъ.

Такъ цѣлый вечеръ и прошелъ въ подачѣ этихъ совѣтовъ, а утромъ, когда мы приготовлялись къ выѣзду, всѣ эти больные снова пришли съ благодарностью, и больной желудкомъ сказалъ, что онъ совершенно спокойно проспалъ эту ночь и уже чувствуетъ себя лучше. Не знаю—помогло ли ему лѣкарство, котораго пришлось ему удѣлать при прощаньи? Едва-ли, а впрочемъ—Богъ знаетъ.

Я спрашивалъ, почему эти люди не обратятся за совѣтомъ къ доктору; вѣдь, вѣроятно, есть же и у нихъ свѣдущіе по этой части люди, которые умѣютъ лѣчить разныя болѣзни, и оказалось, что такіе люди есть и что лѣчатъ они хорошо, но для того, чтобы у нихъ лѣчиться—нужно имѣть деньги, каковыхъ не можетъ быть у бѣднаго рабочаго люда, зарабатывающаго только на собственное пропитаніе. Докторъ сюда никогда и не заглядываетъ; живетъ онъ въ городѣ и ѣздитъ къ бѣднякамъ не имѣетъ ни охоты, ни обыкновенія.

Всѣ эти больные и то вниманіе и довѣріе, съ которымъ они выслушивали совѣты и принимали лѣкарства, невольно показывали, что эти простолюдины относятся нѣсколько иначе къ врачебной помощи, нежели относятся къ ней наши простолюдины, которые въ данномъ отношеніи все еще продолжаютъ быть закоренѣлыми скептиками, со страхомъ сторонящимися отъ больницы и отъ докторовъ.

Китайскій простолюдинъ, повидимому, болѣе расположенъ вѣрить въ пользу, приносимую наукой, и въ данномъ случаѣ онъ высказываетъ какъ бы большую подвижность ума въ

сравненіи съ нашимъ простолюдиномъ, хотя, съ другой стороны, еще неизвѣстно, чѣмъ объяснить кажущуюся въ этомъ отношеніи неподвижность послѣдняго. Несовершенство и безпомощность самой науки, которая еще во многихъ случаяхъ пасуетъ передъ человѣческими немочами, — вотъ основная причина.

Сообщилъ Л. Н. Бѣльковичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).